

**ОТ СИНКРЕТИЗМА — ЧЕРЕЗ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЮ — К СИНТЕЗУ
(ОБ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ И ЛОГИКЕ РАЗВИТИЯ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ)¹**

Андрей Алексеев

**кандидат философских наук
ведущий научный сотрудник Социологического института РАН.**

“...Для беглой оценки того, развивается ли наука или не развивается, как раз отсутствие кризисов является подозрительным, и если такое “благополучное” состояние длится слишком долго, можно почти без ошибки сказать, что наука пришла в состояние догматического застоя”.

А.А. Любичев. Линии Демокрита и Платона в истории культуры. СПб.: Алетейя, 2000, с. 96

I

Первые попытки построения эпистемологической модели современной социологической науки были предприняты мною в работах: [1; 2]. Здесь продолжу эту тему, и не только в плане дальнейшего концептуального и историко-научного обоснования модели, но и в плане корректировки — в частности, терминологической — ранее представленного теоретического эскиза.

До сих пор никак не удавалось найти точного терминологического определения для пары конкурирующих в современной социологической науке теоретико-познавательных подходов. Ныне откажусь от использовавшихся мною ранее “рабочих” названий: “объективная” и “субъективная” социологии, — заменив их на иные, вполне, как я считаю, адекватные предмету обсуждения, а именно: **субъект-объектный** и **субъект-субъектный** эпистемологические подходы (способы познания) в социологии.²

Эта пара терминов, так сказать, витала в воздухе, но первым ее употребил (в связке) мой, ныне покойный, друг, петербургский социолог С.М. Розет (1940 -- 1994). И для прояснения сути дела, и для подтверждения приоритета коллеги — приведу пространную цитату из его работы 1992 г.:

“Социальное познание в мире подавления и отчуждения субъектности было субъект-объектным. “Исследователь”, как потенциальный советник истеблишмента (на Западе) или номенклатуры (у нас), отчуждал субъектность от “Исследуемого” и от совокупности “Исследуемых”, превращая и его, и совокупность в социальный объект, объект исследования, управления, планирования и проектирования.

Опредмечивание “Исследуемого” связано с опредмечиванием “Исследователя”, с выведением его за счет присвоенной чужой субъектности из нормальной человеческой позиции в сверхчеловеческую (в сущности, объектную), как носителя и обла-

¹ Публикацией настоящей работы автор хотел бы сделать вклад в развернувшуюся на страницах журнала “Телескоп” дискуссию по проблеме соотношения качественных и количественных методов в социологии, в частности, попытавшись взглянуть на эту проблему с позиции определенного теоретического представления о структуре и логике развития социологической науки.

² Эти термины представляются неудачными уже хотя бы потому, что и “объективная” (“классическая”, аналитическая) социология вовсе не гарантирована от субъективизма, и “субъективная” (“не классическая”, интерпретативная) социология способна вполне объективно отображать социальную реальность.

дателя “Объективной истины” и “Научного метода”, с установлением вертикальных отношений между этими двумя людьми. Но если для “Исследуемого” подвергнуться исследованию — это неприятный эпизод, приносящий незначительный ущерб, то для “Исследователя”, профессионально вовлеченного в эту гносеологическую ситуацию и вынужденного идентифицировать себя с “Методом”, “Истиной”, сверхчеловеческой позицией, ущерб от объективации может быть значительным, вплоть до обеднения или атрофии личностного, ценностного, эмотивного начала.

В данной работе мне хотелось бы содействовать становлению субъект-субъектного познания. Субъект-субъектное познание может быть только равноправным диалогом “Исследуемого” и “Исследователя” по поводу темы исследования, без монополии на “объективную истину” у сторон. Ущерб, наносимый процессом исследования субъектности “Исследуемого” должен быть минимальным, должна сохраняться индивидуализация, включая имя. Соответственно, межсубъектные отношения “Исследуемых” между собой, проявляющиеся в интеракциях, от устойчивых конфликтов на подавление до взаимоподдержки вплоть до любви, должны составлять важнейшее содержание диалогов.

Субъект-субъектное познание, вовлекающее, а не отчуждающее “Я” “Исследователя”, может резко уменьшить ущерб личности социолога. Более того, обе стороны диалога могут быть обогащены исследованием, как развивающим фрагментом жизненной практики.

...В рамках субъект-субъектной методологии опросный лист представляет собой аспект сюжета жизненного пути респондента. Сам сюжет представляет собой индивидуальные способы разрешения конфликтов, и построения отношений сотрудничества. Сюжет неразрывно связан с именем респондента, но в некоторых отношениях может быть типологизирован по сюжетному сходству или вовлеченности в межиндивидуальный или надиндивидуальный (групповой) сюжет. Респондент превращается в собеседника “Исследователя”, по возможности заинтересованного в теме исследования и становится автором версии конфликта и соавтором исследования. Полем работы “Исследователя” становится множество версий конфликтов или отношений и данные других “Исследователей”.

Эта работа отчасти аналогична деятельности гуманитариев-практиков: следователя, врача, литературоведа (структурализм), писателя, историка” [3, с. 553-555].

Интересно, как при этом формулирует мой коллега свое отношение к альтернативной социологической “парадигме”:

“...Несмотря на критический пафос приведенных обоснований, предполагаемый конфликтологический подход лишь очерчивает область субъект-субъектного познания, оставляя субъект-объектному познанию адекватную ему реальность” [3, с. 555].

Все это писано без особой теоретической амбиции, в применении к конкретному предмету исследования (социальные конфликты в новых российских условиях), но нетрудно заметить и фундаментальность выдвинутой гносеологической дилеммы. От эпистемологического выбора зависит разработка той или иной стратегии (методологии) социологического изыскания и все дальнейшие шаги исследователя.³

³ Не удержусь от того, чтобы привести здесь, наряду с “гносеологическим, этическим и методическим”, также “гражданское обоснование” темы предполагавшегося моим коллегой исследования (1992):

“...Субъект в значительной степени — это тот, кто “за” и “против”. Процесс субъективации с необходимостью предполагает конфликты, борьбу за место, ресурсы и возможности в принципиально конечном эко-

Глубинные концептуальные корни заявленной тогда С.М. Розетом методологической позиции могут быть обнаружены не только в рамках социологической науки как таковой (о чем ниже), но и в мирожизненных, философских размышлениях А.А. Ухтомского о “доминанте на лицо другого” и о потенциальном (актуальном?) “тождестве субъект-объекта” [см. 4; 5], и в философии А. Швейцера, трактовавшего “знание как переживание мира” и постулировавшего “внутреннюю связь” познающего субъекта с миром [см. 6], и в теории познания М. Полани, где главный акцент делается на “личном участии” исследователя и его “самоотдаче” в ходе постижения реальности [см. 7], и в постановке П. Сорокиным, в конце жизни, вопроса о “действительной идентификации познающего и познаваемого” [см. 8].

А теперь — обратимся собственно к предмету нашего обсуждения, обозначенному в названии настоящей работы.

II

Общую логику развития научного знания можно усмотреть в движении **от синкретизма через дифференциацию к интеграции и синтезу**. Эта логика универсальна, однако она специфицируется в каждой из ветвей “древа познания”, будь то естественно-научное, формально-абстрактное или социально-гуманитарное знание (и отношения между ними), будь то отдельные научные отрасли и дисциплины.

В частности, история социологии, конституировавшейся в качестве научной дисциплины и социального института немногим более 100 лет назад, эту логику подтверждает. Хоть историческое время для реализации указанной закономерности тут было и поменьше, чем для других, не столь “молодых” наук.

Другим общим для науки в целом, равно как и для отдельных ее отраслей, законом развития полагается, согласно Т. Куну, движение от **допарадигмального** (эклектичного) состояния к **нормальной** науке, в которой устанавливается господство определенной парадигмы (или “дисциплинарной матрицы”), как системы теоретических, методологических и аксиологических установок, принятых в качестве образца решаемых научных задач и разделяемых всеми членами научного сообщества. Далее, в недрах такой науки, под воздействием как внутри-, так и вненаучных (социокультурных) факторов, вызревает новая парадигма, с существенно большими познавательными возможностями, которая в конце концов, в итоге **научной революции**, становится общепризнанной [См. 9; 10].

Эту логику развития, убедительно подтверждаемую историей естественных наук (например: “коперниканская революция”; смена ньютоновской картины мира эйнштейнианской) иногда слишком поспешно экстраполируют на науки социально-гуманитарного профиля, динамика которых вовсе не обязательно укладывается в антикумулятивную историко-научную модель.

Так, в истории развития социологической науки мы сегодня как будто наблюдаем (переживаем) период смены дисциплинарной матрицы. Вроде бы, существенно обветшали устои “классической” (структурно-функционалистской и позитивистской по преимуществу) социологии, при все большем выдвигании на передний план идеалов и норм социологии “не

номическом, политическом и ином пространстве. Новая реальность, которая нас ожидает, это множество субъект-субъектных горизонтальных конфликтов, разрешение которых не упорядочено ни традицией, ни законом, ни юридической или посреднической практикой. Исследование, типология и поиск способов воздействия на преимущественно горизонтальные конфликты могут быть полезны в этой новой реальности.

Более того, существует императив противостояния генерализации конфликтов (в возможной гражданской войне) — императив гражданского мира” [3, с. 553].

Поистине, не из теоретических спекуляций выросла поставленная в начале 90-х действующим российским социологом методологическая проблема.

классической” (“экстраординарная наука”, по Т. Куну). Эту последнюю иногда определяют как **качественную** (в отличие от количественной), как **индивидо-** или **антропоцентричную** (в отличие от социцентричной), как **микро-социологию** (в отличие от макро-социологических подходов), как использующую “мягкие” или “гибкие” методы (в отличие от “жестких” и строгих), как **интерпретативную** (в отличие от аналитической или дискурсивной), как гуманитарную или **гуманистическую** (в отличие сциентистской?) — некоторые из наименований уже приобрели терминологический статус [11; 12; 13].

Решительное наступление этой новой парадигмы, началось в мировой социологии еще в 60-х гг. прошлого века, а в отечественной — с отставанием по фазе примерно на четверть века. Что сопровождалось поначалу (и на Западе, и у нас) крайне острой идейно-научной полемикой между поборниками “нормальной” и “не нормальной” социологии (например, в России: [14; 15; 16]).⁴

⁴ Полярные позиции в дискуссии порой доходили до полного взаимного отрицания. Проиллюстрируем это:

В.В. Ильин (аргументы против “классической” социологии, в пользу “не классической”):

“...На ступени развитой науки формирование знания идет как последовательная концептуальная универсализация объектов теоретического мира с последующей онтологизацией и операционализацией. При всей справедливости данной мысли не обойти вопроса о ее адекватности применительно к социологии. Если познание в науке управляется началом объектности, то как стимулирует оно выполнение социологией своих специфических задач как дисциплины гуманитарной? Ведь превращение социологии в социальную физику означает элиминацию из рассмотрения вопросов субъективности с тематическим сдвигом с человеческой, экзистенциальной, персонально-жизненной “репрезентативности” на расчеловеченную, безжизненную, объективно-логическую “репрезентативность”.

...Традиционная наука бессубъектна, деперсонализована, но что в этом хорошего? Выдерживая высоты теории, подтягиваясь к науке, стандартная социология деформирует субъекта, проходится по нему катком абстракций отождествления, приемами идентификации. Однако изгнанный в дверь, субъект рвется в окно. При концептуализации мирожизненных реалий социологии не избежать индивидоцентричных контекстов, эксплицирующих, почему в ситуации “X” с участием действующих лиц “Y” имело место “Z”. Родовые признаки регулярности, расчеловеченные концепты оказываются бесплодными, недостаточными.

Оправдан, следовательно, поворот от объектной, стандартно-научной социологии к социологии субъектосодержащей. Перспектива его связывается с проектом антропосоциологии...” [14, с. 16-17].

Г.С. Батыгин, И.Ф. Девятко (аргументы против “не классической” социологии, в пользу “классической”):

“...Замкнутость на личном иррациональном опыте, не поддающемся контролю и проверке, сближает “качественную” методологию с антинаукой, направленной против идеала объективности... Естественно, что результаты применения “качественной” методологии к изучению одной и той же проблемы будут каждый раз качественно различаться, так как они уникальны. Конечно же, речь идет не об отдельных “качественных” методах — этнографическом описании, участвующем наблюдении, анализе документов и т.д., а о “качественной методологии” как альтернативном проекте групповой солидарности в социологической науке. Цель данного мероприятия — демонстрация личной заслуги изобретателя. Если социология являет собой область открытую для подобных мероприятий... то следует признать, что нормы научной рациональности и объективности препятствуют ее развитию и вся она превращается в “качественную” квазидисциплину, создаваемую по поводу различных “случаев” под прикрытием риторического декора. “Случай” здесь — не более, чем мистификация, цель которой — продемонстрировать “жизненность” конкретных описаний и “безжизненность” статистических распределений.

...Речь идет не только об образовании новых периферийных областей знания, например, “софтметодологии”, но скорее о тотальной экспансии “сворачивания” в корпус науки и создании некой разновидности паразитической критики с гуманитарных позиций. Все это происходит на фоне lamentаций о репрессивной роли научного знания как формы власти. “Сворачивание” к тому же сопровождается претензиями на чудесное постижение повседневности без использования “мертвых” технических средств измерения и анализа данных” [15, с. 38, 41]

Как видим, накал страстей как в “гуманитарной критике” сциентизма, так и в “сциентистской реакции” на эту критику достаточно велик. (Последовательность публикации цитированных работ — обратная, но в данном случае это не имеет значения). То самое, что первым автором рассматривается как позитивный процесс “перетекания” стандартной социологии в антропологическую [см. 14, с. 21], вторые трактуют как “симптом аномалии в институциональной структуре науки” [15, с. 38].

Сейчас, научные страсти вроде поутихли. Пожалуй, можно сказать, что разные эпистемологические направления и стратегии социологического исследования, сосредотачивающие свое внимание либо на структурных социальных единицах (общностях, институтах), либо на сознании и деятельности “человека живущего” (оппозиция, сформулированная Т.М. Дридзе [20, с. 22]), — относительно мирно сосуществуют. Но, они пока далеки от эффективного сотрудничества.

Автора этих строк, по всей совокупности его личных профессиональных усилий, вероятно, следует отнести к труженикам именно гуманистической, или “качественной” социологии [см., например: 21; 22; 23]. Однако, в качестве такового, я вовсе не считаю, что этой последней следует или суждено вытеснить или поглотить социоцентричную, аналитическую и т. п. социологию.

Здесь позволю себе усомниться в ставшей уже привычной трактовке “не стандартной” (включающей в себя феноменологические, акционистские, интуитивистские, конструктивистские и иные “субъектные” социологические подходы) и “стандартной” (“объектной”, по выражению В.В. Ильина [14, с. 16]) социологий как разных научных парадигм. Ибо само по себе понятие **парадигмы**, по крайней мере у Т. Куна, связано с “научными революциями”, предполагающими своего рода парадигмальную инверсию; при этом новая парадигма обычно вбирает в себя старую как “частный случай” (для граничных условий).

В.А. Ядов (примирительная позиция в “парадигмальном” споре):

“...К сегодняшнему дню ситуация в мировой социологии изменилась. Методы жесткого количественного анализа вступили в содружество [зм! непохоже. — А.А.] с гибкими или качественными методами.

...Классическая социология... исходит из концепции общества как системно-организованной целостности. Жизнь индивидов — это проявление надиндивидуальных и от них не зависящих обстоятельств. Индивид в классической социологии, включая марксистскую, это представитель социального типа. Переход к пониманию личностного смысла его собственной деятельности в языке социологических категорий и понятий практически невозможен. Для этого надо обращаться к понятиям психологии, культурологии или вообще отказаться от языка науки, использовать язык обыденных представлений о человеческом поведении. ...Еще раз спросим себя, какие же методы лучше, количественные или качественные, жесткие или гибкие? Ответ достаточно очевиден: надо знать, что, где и когда использовать. Мастер решает, в каком случае применить железный молот, а где деревянный молоток жестианщика, когда обратиться к массовым данным, а когда к анализу уникальных событий и явлений. Надо думать” [17, с. 243-244, 254].

“...Правильный подход, следовательно, заключается в том, чтобы разумно использовать разные стратегии исследования и знать пределы разумных допущений...” [18, с. 30].

В общем, все хорошо “в меру”... Вопрос — чем и на каком уровне должна задаваться эта “мера”?

Теперь послушаем голос “человека со стороны” (не ангажированного в социологическом сообществе).

С.В. Воронцов:

“...Удивительные вещи открываются, когда удастся, наконец, замолчать... Тут возникает возможность выслушать другого. Это произошло, кажется, в социологии, с возникновением в ней так называемой “гуманитарной” или “качественной” ветви, имеющей дело с отдельным человеком, с его “историей жизни” (recits de vie). Достаточно было нескольких кратчайших эмпирических исследований, чтобы обнаружилось: многие мощные социологические теории и построения просто неадекватны на фоне рассказов обычного человека о самом себе.

Возникшая новая, качественная социология в методе историй жизни меняет и способ исследования: важнейшим становится диалог. А в диалоге необходимо допущение, что придется узнать и неожиданное, наружу с ожидаемым.

Итак, после ста лет монолога социологии удалось, наконец, замолчать и услышать голос того, о ком она столько говорила. Раньше был (слышен) только ее голос. Однако этот услышанный ею новый голос не был бы услышан без ее собственных усилий, без ста лет прошлого говорения!

...Как награда объект социологического исследования может быть найден буквально под ногами... Но эта награда невозможна без прошлых усилий социологии: голых, мертвых конструкций, не несущих удовлетворения и самому строителю” [19, с. 65-66].

Примечательно, что для С.В. Воронцова дилеммы “объективное-субъективное” (“жесткое-мягкое”) как бы не существует. Он преодолевает ее выходом **в новое измерение**: диалог, слушание, умолчание.

Почему неправомерно, в случае социологии, говорить о “научной революции”, или смене парадигм? Да хотя бы потому, что один способ познания включить в себя другой **не может!** Ибо каждый из них ответствен за свой аспект, срез, круг явлений и процессов социальной реальности.⁵

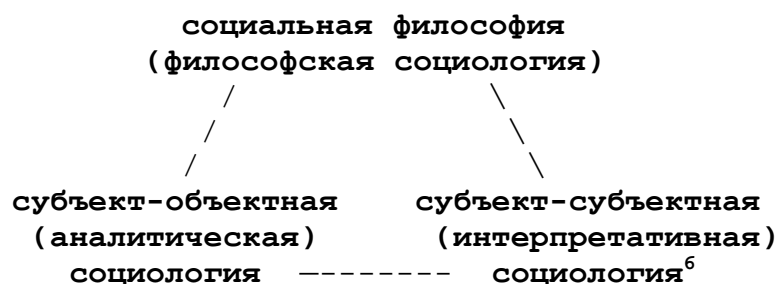
Думаю, речь здесь должна идти скорее о взаимодополнительности разных научных стратегий, “парадигмальных” (уж воспользуюсь этим термином!) подходов и школ, при их принципиальном равноправии. Но об этом — специально — ниже.

III

Теперь мы подошли к ключевому пункту нашего рассуждения — вопросу об эпистемологической структуре (структуре — динамической, исторически развивающейся!) социологической науки.

Недостаточность одномерного бинарного подхода, с его оппозициями (да — нет, или — или) для адекватного описания реальности ныне обнаруживается все явственнее. На смену бинарному мышлению приходит и все более утверждается имеющий не менее, кстати, глубокие историко-культурные корни **тернарный** подход.

Опираясь на идеи тринитарной методологии, разрабатываемой Р.Г. Баранцевым [см. 25; 26; 27], здесь предложим следующее представление о троичной эпистемологической структуре научного знания о человеке и обществе (= социологии):

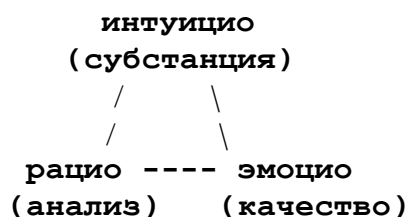

Такая структура соотносима с фундаментальным семантическим архетипом, иначе говоря — формулой системной триады [см. 26; 27].⁷

⁵ Следует, впрочем, иметь в виду, что за 40 лет, прошедших с момента введения в научный обиход термина “парадигма”, он успел получить многозначную трактовку. В одном из социологических словарей читаем: “...В социологии этот термин более неопределен и обозначает социологическую школу. Каждая школа является относительно самостоятельной и использует собственные методы и теории” [24, с. 211]. Кстати, довольно характерное признание (свидетельство?) высокой степени дифференциации социологического знания, и не только в предметных сферах, но и в теоретико-методологических основах.

⁶ Вот где пригодилась формулы, счастливо найденные моим покойным другом! См. выше.

⁷ Оговорим, что в этом плоскостном изображении нет “верха” и “низа”, “левого” и “правого”: вершины треугольника можно менять местами, а точкой, их объединяющей, является вершина тетраэдра).

Предлагаемая эпистемологическая модель, как я считаю, удовлетворяет главному требованию к системной триаде, а именно: требованию **целостности**, при соблюдении принципа “неопределенности — дополнительности — совместности”.

Ибо **системными** (целостными) триадами, в отличие от **линейных** (вырожденных, одномерных), когда “*все три элемента расположены на одной оси в семантическом пространстве*”, и в отличие от **переходных** (гегелевских), “*характеризуемых известной формулой “тезис — антитезис — синтез”*”, — полагаются такие структуры “*единство которых создается тремя элементами одного уровня, каждый из которых может служить мерой совмещения двух других; все три потенциально равноправны*” [27, с. 26].

В самом деле. Социология, как некая целостность, системное единство, не может быть сведена ни к рациональному (субъект-объектное познание), ни к эмотивному или чувственному (субъект-субъектное познание), ни к интуитивному (социальная философия) аспектам самим по себе. Уже в синкретизме “донаучных” начал (генезиса) знания о человеке и обществе можно различить все три “корня”, причем социальная философия получила, пожалуй, самое раннее развитие. Другие, менее абстрактные, аспекты знания о социальной реальности позднее тесно соприкасались или резонировали либо с естественнонаучным знанием, либо с искусством (как формой постижения “человеческой природы”). Так или иначе, ни один из трех названных аспектов не может претендовать на “исключительное положение” или безусловный приоритет перед другими.

Историческое развитие знания об обществе, происходившее, начиная с середины XIX века, под мощным влиянием естественных наук (физика, биология), выдвинуло именно **субъект-объектную** компоненту на первый план. А поскольку это тогда совпало с известным процессом дифференциации наук и становлением социологии как особой научной дисциплины (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм; в том же эпистемологическом ряду — и марксистская социология), названная компонента стала отождествляться со всем социологическим знанием, как его атрибут, а не один из модусов.⁸

Примечательно, однако, что уже в трудах основателей научной социологии XX века (в частности, М. Вебера, еще ярче — у Г. Зиммеля) обнаруживаются предпосылки для позднейшей гуманистической критики структурно-функционального и позитивистского подходов, занявших главенствующее положение в мировой социологии к середине минувшего века. Поначалу не столь интенсивно развивалась **альтернативная** этим подходам интерпретативная социология, истоки которой принято возводить к “символическому интеракционизму” Дж. Мида, а можно поискать их и пораньше (в частности, в “понимающей социологии” Вебера).

Тем не менее, идеи этого альтернативного субъект-объектному социологическому познанию научного движения, ярко воплотились в трудах “чикагской школы” (У. Томас и Ф. Знанецкий, Р. Парк, Э. Берджес; 20-30-е гг.), а окончательно теоретически конституирова-

⁸ Все движение от “социальной физики” Конта к “социологизму” Дюркгейма оставалось в общем в пределах натуралистических — и по происхождению, и по существу — установок позитивной, “бесчеловечной” науки.

лось это движение уже во второй половине минувшего века, в “феноменологической школе” (А. Шюц; П. Бергер и Т. Лукман.) [См., например, 28].

Методология “case study” (истоки которой лежат еще в XIX веке), методология изучения “историй жизни” (от начала века до наших дней), “франкфуртская школа” (Т. Адорно, Г. Маркузе и др.), “диалектический гиперэмпиризм” Ж. Гурвича, “этнометодология” Г. Гарфинкеля, “драматургическая социология” И. Гофмана, “фигуративная социология” Н. Элиаса, “социология действия” А. Турена, “социологическое воображение” Ч. Р. Миллса, “этика дискурса” Ю. Хабермаса, “археология знания” М. Фуко — все эти, **столь разные** социологические школы и направления социальной мысли так или иначе, прямо или косвенно, оказывались в оппозиции той “классической” субъект-объектной социологии XX века, к заглавным фигурам и мировым корифеям которой, после Э. Дюркгейма, относятся, например, Т. Парсонс, Р. Мертон, П. Лазарфельд, в известном смысле — Дж. Гэллап.⁹

Как видно, доминировавшая на протяжении почти столетия стратегия (методология) социологического исследования, исходящая из эпистемологической предпосылки жесткого разделения (разграничения, оппозиции) познающего субъекта и познаваемой реальности, в интересах объективности (научной беспристрастности, неангажированности, ценностной нейтральности) познания (субъект-объектная социология), в известном смысле даже... “не старше” субъект-субъектной социологии (она же — “деятельностная”, “личностная”, а также интерпретативная или “понимающая”).

Здесь замечу, что термин **понимающая** социология, пожалуй, мог бы использоваться как синоним **субъект-субъектной** социологии (в предложенной выше эпистемологической модели).¹⁰ Дело в том, что едва ли не все “не классические” подходы в социологии XX века так или иначе генетически восходят к веберовской “понимающей социологии” (которая, впрочем, в других своих аспектах, имела важнейшее значение для кристаллизации также и субъект-объектной эпистемологической “парадигмы”, впоследствии возобладавшей в социологии XX века).

Но вот последние десятилетия, как известно, ознаменованы настоящим бумом качественных (“мягких”, “гибких”) методов, пожалуй, претендующих сегодня стать ведущими в практике полевых, эмпирических социологических исследований. Что это — смена парадигмы, в смысле Т. Куна? Думаю, вовсе нет. Скорее — установление (восстановление?) баланса, преодоление известной “однобокости” предыдущих, сциентистских этапов генезиса и развития данной области научного знания (в “классическом” духе).

Обратимся к третьему элементу нашей триады социологического познания. По мысли Ю.Н. Давыдова, **социальная философия** — в узком смысле — может рассматриваться как “раздел общей социологии”, посвященный “осмыслению таких результатов (проблем, ан-

⁹ Мы здесь стараемся удержаться в рамках лишь социологии, как таковой, без обсуждения многообразных связей последней с такими родственными науками, как, скажем, **социальная психология** или **культурная антропология**, где все черты субъект-субъектного познания выражены еще более отчетливо. Не обсуждаем также историческую ретроспективу трансформаций **эпистемологии** и **философии науки** (от классического позитивизма XIX века до постпозитивистских концепций, типа “эпистемологического анархизма” П. Фейерабенда), влияние которых на развитие социальной мысли и на диверсификацию исследовательских практик в социологии было очень значительным [см., например: 29].

¹⁰ Как отмечает В.Л. Абушенко, одной из объединяющих разные версии “понимающей социологии” (от самых ранних до новейших), является эпистемологическая посылка, “ставящая под принципиальное сомнение возможность (и необходимость) реализации в социальной жизни объект-субъектной познавательной схемы как через акцентирование “определяемости” (“простраиваемости”) объекта субъектом, так и через вскрытие процессуальной природы социальной реальности параллельно с утверждением личностной и исторической природы социальных субъектов... Таким образом... исследовательский интерес принципиально смещается на уровень непосредственных субъектов социальной активности, акцентируется “рамка личности” в социологическом знании. Наиболее отчетливо эта линия была проведена в последующем феноменологическом варианте понимающей социологии и особенно в этнометодологии” [30, с. 532-533]. См. также: [31].

тиномий) социологической теории, которые не могут быть “верифицированы” с помощью ее собственных познавательных инструментов” [32, с. 22-23].

Как тонко замечено В.В. Шамшуриным, “социология без социальной философии — безродна, а социальная философия без социологии — бесплодна” [33, с. 68-69]. Однако социальная философия (она же — по существу философская социология!), в отличие от двух заведомо социологических теоретико-познавательных “парадигм”, пока как бы не вмешивается в их спор и соперничество (занимаясь по преимуществу “сугубо своими” — мироотношенческими и смысложизненными вопросами, как правило, вне прямой связи с “общественным устройством” или “человеческими интеракциями”).

Между тем, как мне представляется, именно социальной философии (до сих пор “не опознанной” в качестве элемента системной триады социологического знания, как такового) скорее всего и предстоит выступить в качестве “арбитра” и “гаранта” адекватного соотнесения (разрешения конфликта, согласования усилий) субъект-субъектной и субъект-объектной “ветвей” социологии.

“В системной триаде каждая пара находится в соотношении дополнительности, а третий элемент задает меру со-единения”, — отмечает Р.Г. Баранцев [34, с. 64]. Это важнейшее положение тринитарной методологии заслуживает применения и к эпистемологической структуре социологического познания.

Вообще, “абсолютизация любой из компонент системной триады нарушает ее целостность, — пишет тот же автор. — Чрезмерная формализация заводит в тупик даже математику, безудержный разгул страстей становится для человека губительным, неограниченное возвышение духа чревато грехом гордыни. Вместе с тем, каждая ипостась способна являть целое. Так, в истине мы видим добро и красоту, в любви обретаем надежду и веру, в правде находим радость и пользу [здесь в качестве примеров привлечены некоторые классические триады мировой культуры. — А. А]. Включенность в Тринитарное со-знание позволяет по-новому видеть проблемы, освобождаясь от прокрустовой альтернативности” [34, с. 66].

Если попытаться взглянуть на современную ситуацию в социологии как бы со стороны (философически?), и с учетом известной историко-научной ретроспективы, можно, пожалуй, придти к следующему заключению:

— Неравномерная, поочередно интенсивная или опережающая (в пределах отдельно взятого исторического периода), своего рода — **пульсирующая** реализация (и распространение) исследовательских практик, опирающихся на тот либо иной эпистемологический подход (что эмпирически может быть воспринято как “смена парадигмы”, а на самом деле — всего лишь намертывание наметившегося “отставания” применений одной относительно другой), является и закономерным, и, вместе с тем, “счастливым” обстоятельством развития мировой социологии.

Ибо тем самым обеспечивается **нелинейность** научного развития, происходит **самоорганизация** социального знания, как динамической и открытой системы.

IV

Вернемся к началу нашего рассуждения. Из сказанного можно сделать вывод, что мы являемся свидетелями (участниками?) очередного этапа глобального движения знания о человеке и обществе **от синкретизма через дифференциацию** (а теперь, добавим: и через **плюрализм**, и через **диалог!**) **к синтезу**. Это движение не бесконфликтно, порой — кризисно (что, само по себе, благотворно; вспомним пронизательное замечание А.А. Любищева, вынесенное в эпиграф!). В известном смысле, современное развитие социологии является

“нормально-экстраординарным”. Это вовсе не “просто поступательное” движение, с кумулятивным эффектом; но и не “научная революция” (смена парадигмы, когда новая отрицает старую, включая ее в себя как “частный случай” и т. п.).

Здесь уместно указать на уже предпринимаемые теоретические (кстати — социально-философский уровень!) усилия по разработке объединительных (интегральных) подходов к изучению человеческого и социального мира. В центр внимания таких социологических подходов выходит — **взаимодействие человека и общества**, динамическая взаимосвязь социальных структур и социальных акторов.¹¹ В частности, С.В. Кравченко к разряду объединительных “парадигм” в современной социологии относит: теорию структуризации А. Гидденса, “структуралистский конструктивизм” П. Бурдьё, структурно-деятельностную социологию П. Штомпки [см. 36, с. 200].

А первые попытки такого рода находим еще в 50-х гг. минувшего столетия. Например, Ч. Р. Миллс, который в своей последней работе (1959) формулировал задачу социологии как обеспечение — посредством **“социологического воображения”!** — понимания человеком того, *“что происходит в мире и что происходит с ним самим — в точке пересечения биографии и истории”* [37, с. 16]. И — еще раньше! — Питирим Сорокин выступил со своей интегралистской концепцией знания о социальной реальности.

По мысли П. Сорокина (середина 50-х), “коронная дорога” психосоциального знания состоит в **интеграции трех основных “каналов” или методов познания**: сенсорного восприятия-наблюдения, рассудочной логико-математической мысли и сверхчувственно-сверхрациональной интуиции.

Именно согласованное использование всех указанных каналов “...дает нам знание о всех трех аспектах нашей реальности, тогда как пользование только одним из них обеспечивает знание лишь об одном аспекте. При интегрированном использовании всех трех каналов знание, получаемое через один из них, дополняется и проверяется знанием из других двух каналов,” — писал П. Сорокин в своей (до сих пор не изданной в России) книге “Причуды и слабости современной социологии и родственных наук” (1956) [8, с. 122].

И далее: “...Понимаемое таким образом интегральное изучение психосоциального мира охватывает все главные методы исследования и постижения психосоциальной реальности: эмпирический, логико-математический и интуитивный. Каждый из этих методов предназначен для соответствующего ему аспекта интегральной реальности. Для интегрального познания целостной “трехмерной” психосоциальной реальности должна использоваться объединенная система всех трех главных методов” [Там же, с. 123].

В свете всего сказанного, любой из элементов тернарной эпистемологической структуры современной социологии (см. предложенную модель, выше) предстает недостаточным для постижения социальной реальности, как **целого**. Но и без любого из них такое постижение невозможно. Между разными теоретико-познавательными подходами в социологии может и должно быть установлено не только “разделение труда” (сфер интересов, предметных

¹¹ Одним из наиболее удачных среди множества определений предмета социологии мне представляется следующее, принадлежащее оксфордским ученым:

“В самой простой формулировке социология — это изучение сложных взаимоотношений между людьми и обществом, исследование того, как люди создают и изменяют общество и как общество формирует поведение людей и их представление о себе” [35, с. 6].

Интересно, что еще лет 15-20 назад чаще можно было встретить иные, а именно — “субъект-объектные” определения социологии, где, разумеется, фигурировало **общество**, социум (его структурные элементы, социальные механизмы и процессы), а **люди** (человек, его сознание и деятельность) могли в таком определении отсутствовать.

областей), но и отношение **взаимодополнительности**. Это было бы значимым шагом на пути к синтезу.

Другим немаловажным шагом в этом направлении, как мне представляется, могло бы стать специальное историко-социологическое изучение как синкретических, так и дифференцированных исследовательских подходов и практик в социологии — в плане поиска там **прообразов**, “предвосхищений” интеграционного процесса.¹²

Подчеркну, что синтеза следует ожидать вовсе не в виде некоей “всеобъемлющей” социальной теории, объясняющей “все и вся”; и уж тем более — не в виде нового, “научно обоснованного” учения-проекта переустройства мира. Вообще, **интегральное** социологическое познание (постижение?)¹³, как и всякий синтез, предполагает “единство целого при свободе частей” [34, с. 65]. Только тогда любой из указанных эпистемологических подходов сможет — своими познавательными средствами, при кооперации с остальными исследовательскими направлениями — эффективно участвовать в формировании и развитии самого этого единства.

* * *

Если вспомнить одну из фундаментальных триад, сложившихся в истории человечества, то можно метафорически сказать: “тело”, “душа” и “дух” знания о социальном мире должны составить систему — **открытую**, как для взаимопроникновения (взаимообогащения) своих составных частей, так и для всего универсума человеческого знания.

Литература

1. Алексеев А.Н. К вопросу о “нормальной” и “ненормальной” социологии / Алексеев А.Н. Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1. М.: СПбФ ИС РАН, 1997, с. 29-40.
2. Алексеев А.Н. К вопросу о “парадигмах” в социологическом знании / А.Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. 2. СПб.: Норма, 2003, с. 467-470.
3. Розет С.М. К теории конфликта в социологии / А.Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. 1. СПб.: Норма, 2003, с. 553-556.
4. А.А. Ухтомский. Письма к Е.И. Бронштейн-Шур / Писатели рассказывают о науке. Сб. 10. М.: Советский писатель, 1973.
5. А. Ухтомский. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997.
6. А. Швейцер. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973.
7. М. Полани. Личностное знание. На пути в посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.

¹² Некоторые гениальные образцы “социологического” синкретизма можно найти — вовсе не в социологии, как таковой, а в документально-художественной публицистике, например — в известных сочинениях русских писателей XIX века: М. Салтыкова-Щедрина, Г. Успенского, А. Чехова (в частности, “Остров Сахалин”), а в XX веке — у В. Короленко, А. Солженицына.

¹³ Слово **постижение**, вообще говоря, имеет смысл, не совпадающий с **познанием**. В этой связи уместно вспомнить М. Полани:

“...Для меня знание — это активное постижение познаваемых вещей, действие, требующее особого искусства... Постигание не является ни произвольным актом, ни пассивным опытом: оно ответственный акт, претендующий на всеобщность. Такого рода знание на самом деле **объективно**, поскольку позволяет установить контакт со скрытой реальностью; контакт, определяемый как условие предвидения неопределенной области неизвестных (и, возможно, до сей поры непредставимых) подлинных сущностей. Мне думается, что термин “личностное знание” хорошо описывает этот своеобразный сплав личного и объективного...” [7, с. 18-19].

8. Сорокин П. Интегральная теория познания социальной реальности // Реальность и субъект, 1998, № 2/3.
9. Т. Кун. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.
10. Е.В. Хомич. Парадигма / Новейший философский словарь. Минск: Изд-во В.М. Скакун, 1998.
11. Х. Абельс. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 1999.
12. В.В. Семенова. Качественные методы; введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.
13. Е.М. Ковалев, И.М. Штейнберг. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.
14. Ильин В.В. Теоретическое и эмпирическое в социологии: смена парадигмы? // СОЦИС, 1996, № 10.
15. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Миф о “качественной социологии” // Социологический журнал, 1994, № 2.
16. Дридзе Т.М. На пороге эокантропоцентрической социологии // Общественные науки и современность. 1994, № 4.
17. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара: самарский университет, 1995.
18. Ядов В.А. Стратегия и методы качественного анализа данных // Социология: 4 М. 1991, № 1.
19. Воронцов С.В. Способность умолчания // Человек, 1996, № 3.
20. Дридзе Т.М. Эокантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии // СОЦИС, 2000, № 2.
21. Алексеев А.Н. Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1-2. М.: СПбФ ИС РАН, 1997.
22. А.Н. Алексеев. Год Оруэлла (из опыта драматической социологии). СПб.: Ступени, 2001.
23. А.Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-2. СПб.: Норма, 2003.
24. Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. Тернер. Социологический словарь. Казань: Изд-во Казанского университета, 1997.
25. Баранцев Р.Г. Системная триада — структурная ячейка синтеза / Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1988. М.: Наука, 1989.
26. Баранцев Р.Г. Динамика как путь к синтезу / Семиодинамика. Труды семинара. СПб., 1994.
27. Р.Г. Баранцев. Синергетика в современном естествознании. М. УРСС, 2003.
28. Новые направления в социологической теории. М.: Прогресс, 1978.
29. Дудина В.И. Социологическое знание в контексте эпистемологической легитимации: от автономии фактов к дисциплинарной автономии // Журнал социологии и социальной антропологии, 2003, № 3.
30. В.Л. Абушенко. Понимающая социология / Новейший философский словарь. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998.
31. Ионин Л.Г. Понимающая социология. Исторический и критический анализ. М.: 1979
32. История теоретической социологии. Том 1. М.: 1995. Введение.
33. Шамшуринов В.В. “Гуманитарная” социология: новые перспективы и старые проблемы // СОЦИС, 1994, № 2.
34. Баранцев Р.Г. Тринитарный смысл культуры / Культура XXI века: Человек, Общество, Космос. Владивосток, 1996.
35. Дж. Л. Томпсон, Дж. Пристли. Социология. М.: Инициатива, 1998.
36. С.А. Кравченко. Парадигма / Учебный социологический словарь. М.: Экзамен, 1999.
37. Ч. Р. Миллс. Социологическое воображение. М.: Стратегия, 1998.